

В.Т. Рязанов

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье анализируются причины и условия вступления мировой экономики в острый финансовый кризис с последующей рецессией. Обращается внимание на сложную природу этого кризиса, связанную с тем, что в нем оказались переплетенными как традиционные циклические параметры, так обострившиеся структурные диспропорции и системные изъяны сформировавшейся спекулятивно-финансовой модели капиталистической экономики. Обосновывается необходимость смены типа хозяйственного устройства мировой экономики и национальных хозяйственных систем с определением ее возможных направлений.

Ключевые слова: глобализация, финансовый кризис, рецессия, финансовый капитализм, деньги, долги, деривативы, спекулятивная модель, антикризисная теория, антикризисные меры.

Любой масштабный экономический кризис — это всегда серьезный повод для очередного пересмотра результатов социально-экономических процессов в мире и отдельных странах и одновременно для переосмысления теоретических шаблонов и преувеличенных оценок возможностей сложившейся системы хозяйствования. Современный глобальный экономический кризис не является исключением. Его масштабы и последствия уже таковы, что не могут не свидетельствовать о вступлении мирового хозяйства в этап основательной коррекции экономической модели, действующей до кризиса. Поэтому вполне закономерно, что он оказался в центре внимания международного сообщества, экономистов и политиков практически всех стран мира. Даже в условиях ослабления кризисных тисков выявление его причин и природы по-прежнему требует продолжения анализа. Причем наиболее сложным вопросом в настоящее время становится поиск эффективных антикризисных мер, благодаря которым должна быть решена первоочередная задача преодоления кризиса с переводом экономики в фазу роста. Но и одновременно нельзя не задуматься о том, как в будущем не допускать новых кризисных обвалов. А это уже фундаментальный вопрос о том, можно ли этого добиться, если кризис не станет убедительным поводом для разворота сложившейся хозяйственной системы, смены парадигмы развития и обновления самой экономической науки. Ведь одно из значений

Виктор Тимофеевич Рязанов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета.

понятия «кризис» как раз связано с его трактовкой в качестве «поворотного пункта».

Основные характеристики современного кризиса

Мировые экономические кризисы как нарушения равновесия между спросом и предложением в рыночной системе хозяйства происходят с циклическим постоянством. Начиная с первого мирового кризиса 1857 г. за полтора века их было уже около 20. Современный кризис, который стартовал в 2007 г. на ипотечном рынке США, затем стал стремительно захватывать все новые сферы финансовой деятельности, напоминая этим действие вирусной инфекции. С учетом его поражающей способности он достаточно быстро набрал обороты уже в качестве мирового финансового кризиса с высокой вероятностью превратиться в полномасштабный (системный) экономический кризис с падением производства в реальном секторе экономики и другими негативными проявлениями. Для общей оценки наступившего кризиса следует особо выделить три его принципиальные характеристики¹.

Во-первых, этот кризис представляет собой первый мировой кризис глобального капитализма, наступивший после распада мировой социалистической системы. С этой стороны его следует определить как кризис нового типа, выражающийся в *кризисе глобализации* с высоким потенциалом серьезного обострения внешнеполитических и цивилизационных конфликтов. Строго говоря, это вторая волна кризиса глобальной экономики. Первая его волна началась в 1994–1995 гг. («мексиканский кризис») и продолжилась полномасштабным кризисом 1997–1998 гг. в основном на периферии глобальной экономики, получив название «азиатского кризиса», который накрыл и экономику России, особенно запомнившись дефолтом, произошедшим в августе 1998 г. Завершающие его всплески прокатились по странам Латинской Америки (Бразилия, Аргентина и др.) в 1998–1999 гг.

Во-вторых, нынешний кризис выступает как *кризис модели глобально-го (транснационального) либерализма*, свидетельствующий о подрыве фундаментальных оснований современного мирохозяйственного устройства и господствующих либеральных экономических теорий. Дело в том, что начавшаяся с конца 1970-х гг. либеральная революция в теории и на практике, получив мощное подкрепление в крушении мировой социалистической системы с последую-

¹ Более подробно см.: Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., 2009. С. 371–404.

щими пролиберальными рыночными реформами, наиболее адекватно воплотилась в функционировании финансовой системы. Сектор реальной экономики с отлаженной системой государственного регулирования даже в условиях реализации масштабных приватизационных программ в силу разных причин, прежде всего связанных с необходимостью поддержания национальных конкурентных позиций, и в этих целях сохранения в нем монополистических структур, так и не стал по-настоящему полигоном в реализации либеральной экономической модели. Другое дело — финансовая сфера, в которой практически были демонтированы национальные регуляторы и не были созданы замещающие наднациональные институты эффективного контроля². То новое, что появилось в сфере международного регулирования финансовой деятельности, — а это создание в 1982 г. Парижского и Лондонского клубов кредиторов, возникновение международных рейтинговых агентств, использование с 1988 г. в практике хозяйствования Базельского стандарта минимального размера собственного капитала КБ³, создание Международного форума финансовой стабильности и некоторые другие меры, — безусловно, по своим возможностям значительно уступает ранее действующим сдерживающим инструментам.

Можно считать, что вместо национальных регуляторов пришли не замещающие наднациональные регулирующие институты, — что дополняло бы и развивало модель регулируемого капитализма, — а глобальные рынки. Такая стратегия замещения опиралась на доминирующую теоретическую конструкцию, связанную с гипотезами о «рациональном выборе» и «эффективных рынка». Все это и позволило обеспечить наивысшую степень открытости на финансовых рынках и сформировать модель транснациональной либеральной экономики в реальных условиях.

Тем самым либерализм как теория и практика в своей последней предкризисной версии может рассматриваться как победивший *финансовый капитализм* в его длительной конкурентной борьбе с промышленным капитализмом. То, что именно финансовые рынки в условиях высокой мобильности капитала смогли подорвать национально-государственные рамки в своей деятельности, превратило их в самый передовой отряд глобальной экономики, усиленный к тому же массовым внедрением современных информационных техноло-

² В качестве примера дерегулирования в финансовой сфере США с серьезными для нее последствиями следует назвать фактическую отмену в 1999 г. разделения депозитных и инвестиционных функций банков, которое было установлено в 1933 г. (закон Гласса-Стиголла) как антикризисная мера, призванная сдерживать спекулятивные операции и тем самым снизить риски на финансовых рынках.

³ КБ — здесь и далее означает коммерческий банк. — *Прим. ред.*

гий. Если ранее национальные финансовые системы в конечном счете были нацелены на создание механизма эффективного перевода сбережений в инвестиции и обеспечивали нормальное функционирование национального воспроизводственного комплекса, то для современного периода стало характерным превращение финансов в глобальную сеть, работающую практически непрерывно на всех континентах в режиме реального времени и при этом прочно не привязанной к реальному сектору экономики. Вполне закономерно, что предположения о переходе к эпохе глобального капитализма в первую очередь подкреплялись складывающейся ситуацией именно в финансовой сфере.

По оценкам специалистов, сегодня треть облигаций, выпущенных государствами, четверть корпоративных бумаг и одна пятая производных инструментов, привязанных к частным долговым обязательствам, обращаются в глобальной финансовой сети, то есть принадлежат инвесторам из других стран.

Вполне закономерно, что предположения о переходе к эпохе глобального капитализма в первую очередь подкреплялись складывающейся ситуацией именно в финансовой сфере. Растущее доминирование мира финансов проявляется в увеличении его доли в ВВП стран. В группе развитых странах в сфере оказания финансовых услуг занято до 15–20% трудоспособного населения, которые обрабатывают деловую информацию, обслуживают операции с недвижимостью и другие финансовые сделки. Можно говорить о возникновении целого обособленного финансового мира, живущего по своим особым законам, внутри большого города.

Как представляется, наиболее ярко выраженную модель финансового капитализма с полной погруженностью в глобальную финансовую сеть продемонстрировала Исландия. Исландские банки и компании приобретали активы по всей Европе и в США настолько интенсивно, что рост банковского сектора по сути дела подавил развитие в остальных сферах экономики. В результате такой деятельности банковские активы в девять раз превысили ВВП, который составил 14 млрд. евро. Такой выросший финансовый пузырь, оторванный от реальной экономики, не мог не лопнуть. В октябре 2008 г. произошло обрушение этой модели, сопровождаемое дефолтом, развалом банковской системы и наступлением масштабной рецессии. Хотя Исландия и небольшая страна — ее население составляет около 300 тыс. человек, — но ее хозяйственное устройство рассматривали как своеобразный эталон и прообраз зарождающейся «новой экономики». Характерно, что она занимала высокие позиции в мире по Индексу развития человеческого потенциала (в 2005 г. эта страна вместе с Норвегией

занимали первое место в мире), а в 2007 г. ООН даже назвал ее лучшей страной для жизни людей⁴.

Пример с Исландией подтверждает, сколь высока вероятность системного взрыва, заложенная во внутренней несопряженности современного мирохозяйственного устройства. Она связана с тем, что масштабная либерализация финансовых рынков в условиях сохраняющейся относительной закрытости национальных сегментов реальной экономики создает рассогласованность и внутреннюю конфликтность в хозяйственной деятельности, усиливая разрыв открытости финансов с обособленностью национальных экономических интересов и тем самым еще более размежевывая финансы и производство. Иначе говоря, превращение финансовой сферы в самодостаточную, функционирующую автономно как глобальная сеть, создает опасный разрыв с производством, которое продолжает развиваться преимущественно в рамках национально-воспроизводственного контура.

Другим важным следствием возвышения и обособления финансовой сферы стала серьезная трансформация природы циклических кризисов. Из классического варианта кризиса перепроизводства они окончательно превратились в финансовые кризисы, с которых начинаются экономические потрясения и которые затем распространяются — с разной степенью интенсивности — на остальные сферы хозяйственной деятельности, включая производство.

В-третьих, современный кризис, пока еще с непроявленными до конца последствиями, тем не менее, уже с достаточной степенью вероятности может рассматриваться как точка разворота в мировой хозяйственной системе и в национальных экономических моделях, а также, что немаловажно, и в экономической науке. С этой стороны наступивший кризис при всей важности его финансовой составляющей вполне оправданно трактовать в качестве *системного кризиса*, проявляющегося, в частности, в кризисе самой парадигмы развития. Ведь под сложившийся финансовый гегемонизм было подвергнуто соответствующее теоретическое обоснование и перестроена законодательная база, максимально облегчающая ведение бизнеса как «делание денег».

Весьма символично и то, что наступлению нынешнего мирового кризиса предшествовал кризис экономической науки, который активно обсуждался экономистами в последние 15–20 лет в контексте неспособности неоклассической теории достоверно и точно объяснить происходящие изменения в мировом хозяйстве. По-видимому, есть определенная закономерность в том, что угасающий объяснительный концепт доминирующей научной школы, который рожда-

⁴См., напр.: *Кашин В.* Исландия — новый друг // *Ведомости*. 2008. 8 окт. С. 4.

ет ощущение кризиса самой экономической науки, становится первым признаком приближения масштабного экономического потрясения. И в свою очередь, появление новой теоретической парадигмы закладывает необходимую предпосылку выздоровления экономики и ее перехода в новое состояние.

Вероятность одновременной смены теоретической парадигмы и стратегии развития в наступающий посткризисный период высока. Именно так произошло в капиталистической системе хозяйства после Великой экономической депрессии 1929–1933 гг., когда на смену государственному невмешательству в экономику пришел черед кейнсианской революции в экономической теории с обоснованием необходимости использования методов активного государственного регулирования рыночной экономики, определившей соответствующую «длинную волну» в развитии капитализма. И, в свою очередь, новый разворот в теории и практике хозяйствования состоялся после второго по масштабам кризиса 1974–1975 гг., приведший к утверждению неоллиберализма в теории и доминированию монетарных методов в экономической политике.

Таким образом, современный мировой кризис, в котором переплетены кризисы разных типов (глобализации и финансово-экономического либерализма, системы хозяйствования и экономической науки) и в котором также присутствуют традиционные циклические параметры, — все это придает ему масштабность и повышенную опасность.

Истоки и причины кризиса

Анализируя истоки современного мирового финансового кризиса можно было бы ограничиться той оценкой, которая содержится в Послании Предстоятелей Поместных Православных Церквей, принятом в октябре 2008 г. в Стамбуле. В нем экономический кризис назван порождением «извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения», «погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер».⁵ При этом

⁵Цит. по: Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском всея Руси в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года // Официальный сайт ОБЦС МП. URL: <http://mospat.ru/ru/2009/07/27/news3800> (дата обращения: 18.07.2010). В 2009 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая на XIII Всемирном русском народном соборе с докладом «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» подчеркнул, что экономика должна быть нравственной, в противном случае она неэффективна и ведет к кризисам. «Нас долгие годы уверяли, что главное в экономике — это капитал, средства производства, теории и технологии. Однако разразившийся кризис опроверг эти постулаты» (Кирилл (Гун-

церковные иерархи подчеркнули, что православные наравне с другими ответственны за кризис, потому что не противостояли ему в должной мере «словом и верой».

Высказанную оценку трудно оспорить. Хотя она и отличается лаконичностью, но весьма точно отражает саму суть хозяйственных реалий, сложившихся в мире. Все же проанализируем более детально причины наступления кризиса.

В первую очередь речь идет о переходе к экономической модели по своим главным параметрам и целям, ориентированной на достижение краткосрочной выгоды. Это равнозначно стремительному разрастанию роли спекулятивного фактора в современной рыночной экономике, неограниченного фактически никакими экономическими и этическими рамками. Возникновение преимущественно спекулятивной экономической модели стало результатом серьезной внутренней перестройки и одновременно привело к многочисленным переменам в ее функционировании.

Важное изменение произошло уже в самой природе денег. По-прежнему выполняя традиционные функции, деньги, тем не менее, с учетом их чрезвычайно возросшей роли в жизни мирового сообщества и даже с точки зрения определения превратились в «*универсальную самовозрастающую стоимость*», что особенно характерно на примере ведущих валют мира. Такую трансформацию в середине XX в. уже зафиксировал Дж.Р. Хикс, который считал, что проблема природы денег и проблема природы процента по существу одинаковы. Поэтому, став «истинными деньгами», они «являются не чем иным, как самым совершенным видом ценных бумаг»⁶.

Можно предположить, что деньги в этом своем качестве приобрели особую полезность, выступая в качестве самого ликвидного актива, которая дополняет выполнение ими обычных функций. При этом такая полезность значима не только для предпринимателей, но и, по сути дела, для любого экономического агента.

дяев), Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления // Официальный сайт ОБЦС МП. URL: <http://www.mospat.ru/ru/2009/05/22/news2603/> (дата обращения: 18.07.2010)). В свою очередь, папа Римский Бенедикт XVI в традиционном рождественском послании (2009 г.) также констатировал: «Кризис морали, более чем экономический, поразил мир» («Кризис морали, более чем экономический, поразил мир», — сказал сегодня [25.12.2009] папа Римский Бенедикт XVI в традиционном рождественском послании «Граду и миру» («Урби эт Орби») // Сайт «Новая газета». URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/736390.html> (дата обращения: 18.07.2010)).

⁶Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М., 1993. С. 278, 283.

Собственно в такой характеристике денег не содержится принципиальной новизны. Достаточно обратиться к таким подзабытым категориям капиталистической системы хозяйствования как «всеобщая формула капитала» и «товарно-денежный фетишизм», разработанным еще К. Марксом. Или, что еще более уместно, вспомнить Дж.М. Кейнса, который в отличие от классической школы, трактующей деньги в качестве инструментов обращения и сохранения стоимости, особое внимание уделил так называемому спекулятивному мотиву в использовании денег⁷. Такой мотив связывался им с ориентацией на будущие доходы, которая формируется у инвестора на основе знания рыночной конъюнктуры, что и закладывает необходимую основу для возникновения спекулятивной игры на финансовых рынках. Правда, в 1930-е гг. этот мотив еще не приобрел всеобъемлющего характера, а в теории Кейнса он уравновешивался другими поведенческими факторами — предпочтением ликвидности, определяемым мотивом предосторожности и трансакционным мотивом.

Относительная новизна природы денег заключается в неограниченности действия их самовозрастающего механизма, который работает практически самостоятельно, т.е. без опосредствующего их превращения в функционирующий капитал, используемый для производства действительных экономических благ. Бизнес превратился в «делание денег из ничего», а экономика стала «экономикой спекулятивных пузырей». Иначе говоря, произошел практически разрыв оборота денег с развитием производственно-потребительского сектора экономики, что усиливает неустойчивость финансовых рынков и самой хозяйственной системы. Создание глобальной финансовой сети, в которой многочисленные денежные инструменты и национальные денежные единицы обращаются в непрерывно расширяющемся пространстве, с точки зрения устойчивости не компенсирует утраты связи мира денег (финансов) с реальной экономикой.

По оценкам специалистов, в настоящее время всего лишь 2–3% всех финансовых операций относятся к реальному сектору экономики, а остальное — это операции между самими финансовыми институтами. В самом явном виде они представлены в крупномасштабной спекуляции валютами. По оценкам специалистов, дневной оборот на валютном рынке составляет 1.5–2 трлн. долл.,

⁷Как писал Дж. Кейнс, «по мере того, как совершенствуется организация рынков инвестиций, опасность преобладания спекуляции возрастает». Инвестирование денег связывается не столько с ожидаемым доходом, сколько «с благоприятными изменениями в совокупности психологических предположений, на основе которых формируется рыночная оценка» (*Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег.* М., 1978. С. 223).

что в десятки раз превышает мировую торговлю товарами⁸. При этом спекуляция на валютном рынке превратилась в один из основных источников высоких доходов банков во всем мире и отработанный на практике распространенный способ обогащения. В этой связи стоит напомнить, что состояние известного миллиардера и филантропа Дж. Сороса было «сколочено» главным образом в результате участия в валютных спекуляциях.

При дальнейшей экспансии спекулятивной модели вполне было ожидаемо появление, к примеру, такого экзотического спекулятивного рынка, как «рынок погодных колебаний». Почему нет? Ведь на этом рынке стихийно и без непосредственного участия человека создается сама по себе непредсказуемо высокая «волатильность», которая придает спекулятивной игре столь желаемую возможность для проявления азарта. На таком рынке в буквальном смысле можно делать деньги из «воздуха».

Еще важно подчеркнуть то обстоятельство, что в спекулятивные инструменты превратились реальные экономические ресурсы и блага, имеющие ключевое значение для современного экономического развития: — нефть, земля, продовольствие, недвижимость и т.д. Особенно это характерно для рынка нефти. По оценкам специалистов, в настоящее время объем рынка нефтяных фьючерсов в 20 раз больше объемов реальных продаж нефти, в то время как в начале 1990-х гг. такое превышение составляло пятикратную величину⁹. Это означает, что динамика и уровень цен на нефть определяются не балансом спроса и предложения, формирующемся на этом рынке, и даже не степенью влияния монополистов (ОПЕК), сколько зависят от действия спекулятивных сил. Огромная роль спекулятивной составляющей в цене на нефть подтверждается действующими ныне на этом рынке тенденциями. Всего за несколько месяцев, в течение которых не произошло никаких фундаментальных изменений в соотношении предложения нефти и реального на нее спроса, цена на мировых рынках упала почти в 4 раза (максимальное значение в июле 2008 г. превышало 147 долл. за баррель, а в начале декабря этого года цена падала ниже 40)¹⁰.

В результате современная рыночная система, в первую очередь на примере США, представляет собой огромный навес необеспеченных долгов с реальной опасностью превратиться в огромный поток бумажных денег, созданный

⁸См., напр.: Кризис: альтернативы будущего / Под ред. А.В. Бузгалина и П. Линке. М., 2010. С. 233–234.

⁹См., напр.: Федун Л. Страна и нефть: вступить в ОПЕК // Ведомости. 2008. 17 ноября. С. 6.

¹⁰См., напр.: Кузнецова Т. Итоги года. Ч. 2 // Сайт «Finam.ru». URL: <http://www.finam.ru/analysis/newsitem3705A/default.asp> (дата доступа. 2.07.2010).

кредитной экспансией и многочисленными финансовыми фондами из «пустоты», которая затем «перерабатывается» финансовыми институтами при помощи непрерывно создаваемых новых финансовых инструментов, приносящих доход. Такая ситуация придает деньгам особую взрывоопасность, которая предопределена содержащимися в них противоречивыми и, казалось бы, взаимоисключающими характеристиками. С одной стороны, они выступают универсальным средством обеспечения непрерывного самовозрастания, особенно применительно к ведущим валютам мира, с другой — при бесконтрольном их использовании сами деньги превращаются в главный дериватив¹¹, максимально нагруженным разнообразными рисками и неизбежными инфляционными обвалами.

Финансовые рынки, утратив связь с производственно-потребительской экономикой, закономерно приобрели чрезмерно возросшие риски, обусловленные высокой степенью их неустойчивости и подверженностью сильным колебаниям. Разрешить эту ключевую слабость их функционирования действующая до кризиса модель хозяйствования пыталась традиционным для рыночного фундаментализма способом — через активное подключение рынка. В этих целях создаваемые многочисленные производные финансовые инструменты должны были, по идее, обеспечить надежное перестрахование финансовых операций. Считалось, что при помощи рынка удастся ограничить и переложить риск на рынок за счет манипулирования и несовпадения интересов и действий участников, уступающих и принимающих дополнительные риски. Отсюда и стремительное и, что особенно опасно, бесконтрольное нарастание объема используемых деривативов с полным отрывом их от реальных (обеспеченных) активов.

Особенно высокая опасность возникшей пирамиды деривативов заключается прежде всего в двух их принципиальных отличиях от других ценных бумаг. Во-первых, их торговля осуществляется в основном в режиме внебиржевых сделок, что ведет к бесконтрольности в наращивании эмиссии бумаг. Во-вторых, в их обороте отсутствует надежное страховочное обеспечение. По сути дела, это долги, которые не подкреплены реальными активами. С этим связано возникновение ключевого противоречия современного финансового капитализма между остающимися ограниченными материальными ресурсами и возможностью создания фактически неограниченного объема финансовых ресурсов за

¹¹ Дериватив — финансовый инструмент, цены или условия которого базируются на соответствующих параметрах другого финансового инструмента (являющегося базовым). В основном используется для страхования ценового или валютного риска во времени или для получения спекулятивной прибыли от изменения цены дериватива. Количество деривативов не обязательно совпадает с количеством базового инструмента. — *Прим. ред.*

счет расширяющегося и усложняющегося рынка деривативов¹². Поэтому при развале такой пирамиды чрезвычайно сложно провести необходимую санацию через погашение «плохих» активов и на этой основе оздоровить финансовую систему с восстановлением доверия к ней. Произошедший крах деривативной пирамиды напоминает разгорающийся пожар, в котором никак не обнаружить очаг возгорания.

Образование спекулятивной модели экономики предопределило значительный сдвиг в экономическом поведении институциональных инвесторов и широкого круга экономических агентов, включая домашние хозяйства, которые все в возрастающей степени в своих действиях ориентированы на достижение краткосрочных выгод. Можно сказать, что модель предпринимателя-инноватора, как ее формулировал Й. Шумпетер, сменилась на модель предпринимателя-спекулянта, озабоченного использованием «новых комбинаций» исключительно ради стремительного финансового обогащения.

В этой связи весьма знаменательным представляется утверждение бывшего председателя ФРС и идеолога современной финансовой гегемонизма А. Гринспена, который доказывал, что само представление о денежной массе, которую можно измерять и контролировать, является «устаревшим»¹³. Тем не менее, накопленный инфляционный потенциал в мировой экономике огромен и опасен, он пока сдерживается возникшей в процессе кризиса дефляционной волной. К тому же его удастся сбрасывать на периферию мирового хозяйства, но он может взорваться и в масштабах всего глобального пространства. Не исключено, что по мере преодоления кризисных процессов в финансово-банковской сфере на передний план по степени значимости выдвинется проблема глобальной инфляции.

Еще одно важное изменение относится к механизму рыночного оценивания бизнеса и стоимости компаний, который определяет действие соответствующего способа перераспределения свободных денежных ресурсов в наиболее прибыльные (эффективные) производства. Произошла фактическая утрата этой функции, поскольку современный фондовый рынок и используемые им институты (в частности, рейтинговые агентства, разнообразные аналитические службы) перешли к оценке не фактической прибыльности и эффективности функционирующего бизнеса, а к расчету возможности получения будущих до-

¹²См.: Белолитецкий В.Г. Деньги как связующее материального и идеального миров // Экономическая теория в XXI веке. 6 (13). Деньги / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 15–25.

¹³Цит. по: Маэстро бума. Уроки Японии / Сб. ст. Челябинск: Социум, 2003. С. 54.

ходов через механизм дисконтирования и с использованием механизма торговли рисками на репутационной основе. Это еще более ослабило роль реальных производственных результатов в пользу финансовых достижений, усилив возможность манипулирования и просто заведомого обмана, с помощью которых можно показывать доходность и рост будущих прибылей вне зависимости от реальной деятельности, а создаваемый «игровой» механизм страхования (т.е. через сделку-пари) призван ослабить опасность высоких рисков. Причем в модели финансового капитализма созданы специальные инструменты, которые позволяют обогащать инвесторов-спекулянтов даже в случае падающих рынков. Иначе говоря, зарабатывать на кризисе.

Если отвлечься от спекулятивной роли фондовой биржи, то можно считать, что она с точки зрения выполнения важной экономической функции перераспределения капитала превратилась в экспонат «в музее экономических древностей». Поэтому либо ей место в этом «музее», либо предстоит серьезное очищение от спекулятивного нароста и восстановление в качестве прежнего регулирующего института рыночной экономики.

Наконец, при такой внедренной спекулятивной модели экономики инвестиционное поведение экономических агентов, так же как и в целом хозяйственная деятельность, подчиняются уже не столько экономическим законам и принципам, сколько законам психологии, которые к тому же все чаще имеют дело с примерами не рационального, а иррационального поведения. Ведь само по себе стремление к беспредельному обогащению, замешанное на страсти человека к азарту, не может рассматриваться как признак рационального поведения нормального человека, даже экономического. Можно уверенно констатировать, что классическая модель *Homo Economicus* сменилась вариантом *Homo Speculativus*.

Отсюда огромный простор для манипулирования, рынки превратились в площадки зарождения внезапных и самых невероятных ожиданий, сменяемых также мгновенно возникающими паническими настроениями. В этих условиях сама экономика переместилась в разряд азартных игр. Поэтому одно из используемых ее символов как «экономики казино» надо понимать не как яркую метафору, а как вполне рабочее определение наиболее существенной стороны сложившейся экономической системы.

Иррационально происходящие взлеты и падения на финансовых рынках раскрывают экономику как принципиально неуправляемую и, более того, даже не прогнозируемую систему, поскольку в ее изменениях уже преобладают не экономические факторы, а субъективные мотивы и необъяснимо действу-

ющие спонтанные факторы. Наверное, один из запоминающих образов произошедшей трансформации в мире экономики — это история о том, как нормальная товарно-рыночная система хозяйства обернулась «коварно-рыночной» экономикой.

Кризис и его последствия для глобально организованного мирового хозяйства

Для раскрытия особенностей функционирования современной спекулятивно-рыночной модели в качестве дополняющего и важного признака следует выделить ее полномасштабное становление как глобальной системы. Все ее свойства, достоинства и недостатки, также как и произошедший обвал, могут быть достоверно оценены именно с учетом данного обстоятельства. Фактически устранив связь финансов с производством, которое по-прежнему развивается преимущественно в национально-воспроизводственном контуре и не превратилось в глобально организованное хозяйство, финансовая система утратила устойчивость. Придание ей достаточной надежности через создание глобальной финансовой сети, в которой многочисленные денежные инструменты и национальные денежные единицы обращаются в едином (глобальном) пространстве, не компенсирует утраты связи с реальными экономическими активами. Можно сказать, что «эффект масштаба» применительно к глобализации финансового пространства сыграл роковую роль. Он способствовал экономии и повышению эффективности организации самой финансовой деятельности, но и одновременно привел к появлению в ней опасных внутрисистемных рисков, прежде всего связанных с возможностью появления огромного навеса необеспеченных долгов.

В оценке глобализации сферы финансовых отношений важно учитывать и другое принципиальное обстоятельство, связанное с исторически сложившимся центр-периферическим устройством мирового капиталистического хозяйства. В своем работоспособном режиме оно основывалось на том, что «центр» выступал поставщиком товаров (услуг), инвестиций, инноваций, идей, ценностей и т.д. Что касается «периферии», то она обеспечивала его сырьем и рабочей силой, одновременно предоставляя свои рынки для сбыта товаров, инвестиций, инноваций и т.п. Конечно, данное устройство далеко от идеала, но, собственно, именно в такой организации капиталистическая система себя имманентно воспроизводит и оправдывает. В условиях закрепления модели финансового капитализма такое относительно сбалансированное взаимодействие оказалось нарушенным. На начальном этапе снижение ее работоспособности произошло

в условиях утраты «центром» роли мирового лидера в производстве товаров, которое переместилось в периферийные регионы с более низкими издержками.

Но особенно мировой центр оказался уязвимым, когда в процессе произошедшей серьезной экономической перегруппировки сложилась для него новая конфигурация в сфере движения капитала, которую иллюстрирует такая формула: «избыток капитала на периферии» — «дефицит в центре (в США)».

Возникший дисбаланс даже при способности финансового капитала создавать деньги из «пустоты» оборачивается необходимостью использования компенсирующего (перераспределительного) механизма, призванного устранить такую экономическую иррациональность. Формально возникла новая модель поддержания равновесия в мировом хозяйстве. Хронический дефицит в США покрывался излишками капитала прежде всего за счет восточноазиатских стран (КНР, Япония) и нефтеэкспортирующих стран.

Приведенное соотношение дефицита и излишка капитала в мировой экономике, которое в целом характерно для последних 15 лет, свидетельствует о действии еще одной важной причины нынешнего глобального кризиса. Речь идет о критически сформировавшемся потенциале *перекапитализации* в масштабах мирового хозяйства, которая проявилась в неспособности глобальной финансовой сети абсорбировать переизбыток денежного капитала. Избыточным он еще стал и потому, что огромные денежные потоки со всего мира, которые были направлены в США (до 80% от всего мирового потока капитала) и которые пошли на погашение дефицита, использовались не на развитие экономики, а были потрачены на потребление государством в интересах поддержания геополитической гегемонии в мире и для обеспечения высокого уровня потребления американского населения. Иначе говоря, современная американская модель, сложившаяся как модель избыточного потребления, финансируемая за счет накоплений из других стран, вплотную подошла к своей исчерпанности. Это привело, по существу, к использованию политики развития при нулевой норме внутренних сбережений и, как следствие, к стремительному нарастанию задолженности США.

Такая новая модель мирохозяйственная устройства, заложившая серьезные перекосы в глобальной финансово-экономической системе и характеризующаяся неравновесием, требует коренной трансформации. Попытки правительства США преодолеть кризис и одновременно сохранить возникшую экономическую модель с завышенным уровнем потребления («потребительским бумом») будут сдерживаться усиливающимися ограничениями, связанными как с сокращающейся возможностью привлечения внешних инвестиций из-за потенциальной

утраты привлекательности долларовых вложений и ослабления американского доллара в качестве мировой резервной валюты, так и из-за начавшейся переориентации капиталоизбыточных государств (прежде всего КНР) на развитие внутреннего потребления. Если учесть еще фактор инерционности в развитии большой экономики, то альтернативный и наиболее приемлемый вариант преодоления кризиса, нацеленный на восстановление достаточной нормы внутренних сбережений и инвестиционной активности, реализовать крайне сложно. Его задействование не может не привести к снижению уровня потребления в стране и государственных расходов с соответствующим обострением социальных конфликтов и ослаблением геополитических амбиций.

Можно лишь констатировать, что выход из глобального кризиса в значительной степени зависит от того, насколько США окажутся способными к такому развороту своей экономики. О том, что его трудно будет осуществить, свидетельствует предлагаемая программа антикризисных мер, в которой в качестве одной из приоритетных целей выдвигается восстановление потребительской активности населения и усиленное стимулирование потребления.

Вообще же рассматривая проблему радикального устранения глобальных дисбалансов в мировой экономике, особенно связанных с избыточными долгами по всему экономическому пространству, следует отметить, что в исторической практике встречалось несколько вариантов ее решения. Во-первых, можно выделить военно-политический вариант, возможность которого подтверждается уроками Великой экономической депрессии. Не надо забывать, что ее завершающим аккордом как раз стало развязывание Второй мировой войны.

Во-вторых, глобальные диспропорции могут быть сняты за счет масштабной девальвации доллара как фактически мировой резервной валюты и возможным появлением новой действительно мировой резервной валюты или «корзины» таких валют.

В-третьих, возникший мировой дисбаланс может быть устранен инфляционным способом. Достаточно США начать массированный выкуп государственных долговых обязательств и для этого включить свой печатный станок, чтобы огромный денежный навес в мировом хозяйстве, возникший вследствие закачивания ликвидности в национальные экономики, взорвался глобальной инфляцией.

Конечно, такая «жесткая посадка» мирового хозяйства, чреватая мощными экономическими и социально-политическими потрясениями, совсем необязательна. Есть, наверняка, и более мягкие способы преодоления глобального кризиса, но они требуют согласованных действий и в этом случае не обойтись

без коренных и скоординированных изменений, в первую очередь — в мировой валютно-финансовой системе.

Антикризисная политика и ее цели

Современный мировой кризис уже стал знаменательным событием в экономической истории. Впервые за последние 60 лет мировая экономика и подавляющее большинство стран испытали в 2009 г. абсолютное падение основных макроэкономических показателей. Кризис также запомнится огромными финансовыми потерями и вложениями государств в его блокирование и преодоление. Совокупный объем уже выделенных средств во всех странах мира на борьбу с кризисом, по оценкам, достигает 17 трлн. долл., что составляет примерно треть мирового ВВП, из которых 11 трлн. долл., по подсчетам специалистов из МВФ, уже потрачено.

Глубина и масштабность кризиса особо значимой делает проблему обоснования антикризисных мер, способных эффективно нейтрализовать действие кризисных факторов. В этой связи можно выделить два принципиально различающихся подхода к ее проведению. Первый подход — это политика *блокирования* кризиса с сохранением основ экономического устройства глобального хозяйственного пространства. Второй — *преодоление* кризиса с устранением коренных причин, его породивших, и в конечном счете — со сменой типа хозяйственного устройства мировой экономики и национальных хозяйственных систем как ее неотъемлемых компонентов.

В первом случае речь идет о временном снятии остроты экономических противоречий с помощью масштабных денежных инъекций, которые должны, по замыслу, реанимировать мировую хозяйственную систему в ее привычном облике. Однако представление, что деньгами можно потушить кризис — это иллюзия. Такие беспрецедентные по объему денежные вливания, которые сегодня предпринимаются большинством государств, включая Российскую Федерацию, могут временно ослабить кризисные тиски и даже на какой-то период вывести экономику в подъемную фазу. И действительно, начиная с третьего квартала 2009 г. в большинстве пораженных кризисом странах можно наблюдать его ослабление. Это дало основание для вывода о достигнутом в первой половине 2009 г. «дна кризиса» в мировой экономике и начале ее выздоровления с неизбежным переходом в 2010 г. в подъемную фазу.

Тем не менее, вероятность наступления новой кризисной волны, возможно, еще более разрушительной, остается высокой. Ведь вброшенные в финансовую сферу огромные денежные средства пошли не в производство, а вновь

устремилась на ожившие финансовые рынки, обернувшись для государств существенным возрастанием давления госдолга на финансово-экономическое развитие стран. Об этом свидетельствует вновь зафиксированный осенью 2009 г. рост производных финансовых инструментов после их массивного обвала, начавшийся очередной спекулятивный разгон цен на нефть, формирование других «пузырей», к примеру на рынке недвижимости в странах Восточной Азии или на рынке золота и т.п. Учитывать надо и усиливающуюся непредсказуемость, свойственную сформировавшейся модели экономики и возникновение новых угроз для устойчивого развития экономики.

Речь идет о значительном возрастании огромного долгового навеса, усиленного государственными вливаниями в финансовую сферу в целях блокирования кризиса. Обострение долговой проблемы обнаружило в мировой экономике новый возможный эпицентр кризиса — Еврозону и ЕС в целом. Совокупный долг еврозоны составляет порядка 6,4 триллиона евро, или около 70 процентов от ВВП данной группы стран¹⁴.

Не стоит забывать о том, что Великая депрессия 1929–1932 гг., сменившись подъемом и восстановлением докризисного уровня промышленного производства к 1936 г., затем вновь с конца 1937 г. перешла в фазу повторного глубокого спада кризиса, который продолжался вплоть до начала Второй мировой войны¹⁵.

В этой связи целесообразно более тщательно и критично проанализировать весь спектр выработанных на кейнсианской теоретической платформе антикризисных рецептов, примененных в годы Великой депрессии и в последующие периоды. Требуется переосмысление эффективности таких мер, особенно связанных с дополнительным стимулированием совокупного спроса как способ вывода экономики из кризиса. Следует принять во внимание существенно изменившиеся условия хозяйствования, которые обусловлены в первую очередь усилением глобализации и открытости национальных экономик, а также достижением границ избыточного потребления и перекредитования в большинстве развитых капиталистических странах. Во всяком случае, ясно, что простое расширение совокупного спроса путем закачивания все больших денежных ресурсов в финансовую сферу не в состоянии преодолеть кризис, а только создает

¹⁴Фундобный С. Возможен ли распад еврозоны? // Lenta.ru. URL: <http://www.lenta.ru/conf/fundobny/> (дата обращения: 6.08.2010).

¹⁵См., напр.: Самуэльсон П. Экономика. В 2-х тт. Т. 1. М.: НПО «Алгон», 1992. С. 200–201. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы, политика. В 2-х тт. Т. 1. М.: Республика. 1992. С. 156–157.

новые риски, связанные с возникновением «дефляционной ловушки» (в развитых экономиках) или «инфляционного взрыва» (на развивающихся рынках).

До тех пор, пока не будут устранены коренные пороки сложившейся глобальной спекулятивно-финансовой системы, опасность масштабных кризисов сохраняется. Это означает, что выход из кризиса следует искать на пути отказа от модели «экономики казино». Только через ослабление спекулятивной составляющей в глобальном хозяйствовании и в переподчинении финансовой системы на работу в интересах производственно-потребительской и социально-хозяйственной деятельности можно рассчитывать на полное выздоровление экономики.

Ощущение необходимости реформирования современной экономической модели вполне адекватно отражает нарастание тревоги из-за беспрецедентных потерь, которые в ходе развертывания кризиса несут государства, бизнес и население. В настоящий период, конечно, сложно предугадать возможные направления изменений в принципах функционирования экономики. Тем более, что по мере ослабления кризиса с неизбежностью усилится столкновение возрождаемой догматики финансового гегемонизма с хозяйственной прагматикой. Тем не менее, уже произошедшие события в мировом хозяйстве дают все основания для вывода о вызревании потребности в смене сложившейся экономической модели, а главный акцент должен быть сделан на ограничении возможности полномасштабного восстановления спекулятивной модели экономики. В числе таких мер могут быть следующие.

1. Отказ от использования национальных денежных единиц в качестве мировой резервной валюты.

Теоретически это предполагает создание общемировой резервной валюты с соответствующим эмиссионным центром (центрами) и общими правилами в его функционировании. Безусловно, реализация такого проекта вызывает огромные и — на данный момент — непреодолимые трудности.

Более реалистичными, хотя и непростыми, могут рассматриваться варианты формирования «корзины региональных резервных валют» или возвращение золота в мировую денежную систему. В первом случае можно говорить о возникновении поливалютной системы, привязанной к более однородным финансовым и социально-экономическим сегментам глобальной экономики. Во втором — речь идет об отказе от сложившейся после краха Бреттон-Вудской системы (1971 г.) эмиссионного характера обращения валют и восстановлении их обеспеченности реальными активами. Надо учитывать, что эмиссия необеспеченных денег рождает экономику необеспеченных долгов с неизбежными спе-

кулятивными пузырями. В этих условиях возвращение золота в мировую денежную систему (теоретически, как и любого другого реального актива) придает деньгам подлинную универсальность, равноправие и надежность.

Еще один важный элемент для внесения в мировую валютную систему связан с необходимостью перейти в курсовой политике от плавающих к фиксированным курсам национальных валют. Естественно, это предполагает всеобщность ее использования всеми странами с разработкой соответствующих правил и периодичности коррекции номинальных курсов, в первую очередь — на основании фундаментальных показателей. Возможно, функцию управления изменениями номинальных обменных курсов целесообразно закрепить за МВФ. Эта мера может стать ключевой в ограничении спекулятивной деятельности и в обеспечении стабильности мировой валютной системы.

2. *Установление жестких и прозрачных правил регулирования рынка сложных (вторичных) финансовых инструментов с созданием контролируемых площадок* (например, в виде клиринговой палаты), на которых осуществляется их биржевая торговля. Особенно это касается рынка кредитных свопов (CDS), страхующих от дефолта, оценивающегося в диапазоне от 33 трлн. до 62 трлн. долл.¹⁶. Фактически, сформировалась «теневая финансовая система» как новейшее проявление теневой экономики и теневой экономической власти.

3. *Введение дополнительного налога на все спекулятивные сделки*. Сегодня такой вопрос не просто обсуждается, но многими странами он уже вводится в виде дополнительного налога на бонусы ВИП-персоналу, на сверхприбыль, получаемую от спекуляций. Оправданность этой меры состоит в том, чтобы вернуть КБ к их главному предназначению — кредитованию реального сектора экономики.

4. *Переход к системе фиксированных цен на энергоносители (нефть) на мировых рынках с использованием процедуры периодического их пересмотров на основе баланса интересов производителей и потребителей*.

5. *Возвращение в международную практику разграничения и специализации в деятельности финансовых институтов с отказом от их универсализации*. Прежде всего это относится к восстановлению разграничения между коммерческими и инвестиционными банками, при котором КБ было бы запрещено заниматься операциями с акциями.

¹⁶Последняя цифра представлена Базельским институтом международных расчетов (Бутрин Д. Правила игры // Коммерсантъ. 2008. 15 дек. С. 6).

б. *Обобщение и использование опыта деятельности исламской финансовой модели*, при котором КБ выступают как со-инвесторы проектов и получают не процент, а часть дохода от реализованного проекта.

Предлагаемые меры, естественно, не исчерпывают всего пакета других изменений и требуют дополнительной проработки. Но они, на наш взгляд, раскрывают логику и направленность перемен в мировой хозяйственной сфере, если по-настоящему решать задачу трансформации спекулятивно-финансовой модели экономики. Так же, как после Великой депрессии капитализм перешел к модели регулируемой экономики, и на современном этапе в посткризисном периоде можно ожидать дальнейшего расширения модели регулируемой экономики, но уже применительно к сфере финансов и с учетом использования как национальных, так и международных регуляторов. По сути дела, речь идет о переходе к новому качеству современной государственно-регулируемой экономики: *созданию глобально-региональной модели регулируемой рыночной экономики*. Что она может представлять собой?

Прежде всего, в ней должны быть найдены четко обозначенные сферы преимущественно наднационального регулирования финансовой деятельности с созданием соответствующих международных координирующих центров и разработкой обязательных и рекомендательных правил и норм. Относясь к области международных финансовых отношений, такой сегмент формирующегося механизма регулирования дополнит действующий механизм государственного управления национальных финансовых и хозяйственных систем. Тем самым удастся разрешить конфликтность между действующей на национально-воспроизводственном уровне модели государственно регулируемой экономики и фактически нерегулируемой глобально функционирующей финансовой сетью, если не считать доминирования в ней стихийных и спекулятивно-рыночных инструментов, которые и заложили истоки современного мирового кризиса.

Еще одна характеристика такой, возможно, новой системы глобального регулирования финансов связана с соотношениями в ней глобализации и регионализации, глобального и национального. Речь идет о том, что попытка форсирования глобализации через подавление национального в экономике при чрезвычайно высокой дифференциации условий хозяйствования и огромных разрывах в уровнях развития и в экономических интересах должна быть оценена как нереалистичная, а ее упорное продвижение как раз и стало одной из причин возникшего глобального кризиса. Поэтому в области регулирования больший акцент целесообразно сделать с глобального на региональный уровень, имея в виду, что в перспективе для мирового хозяйства более реалистичным пред-

ставляется не усиление глобализации, а тенденция к регионализации в мировом хозяйстве, реализующая объективную закономерность в расширении «больших пространств», но с достаточной социо-хозяйственной однородностью и близостью в уровнях развития. Не случайно сегодня в мире уже действует более 30 интеграционных группировок разного формата и реализуется около 80 региональных торговых соглашений.

Это означает, что процесс перестройки организации хозяйственной деятельности в посткризисный период должен привести к формированию системы регулирования с тремя взаимосвязанными и скоординированными их уровнями: глобальным, региональным и национальным. В принципе не исключен и альтернативный сценарий, связанный с возвратом к системе проверенных национальных регуляторов, действующих в условиях большей закрытости своих финансовых рынков и протекционизма.

Таким образом, мировому экономическому сообществу в ближайшие годы предстоит принять ответственные решения, которые при благоприятном развитии событий могут принципиально изменить облик современной экономики.

Источники и литература

1. *Аттали Ж.* Мировой экономический кризис. А что дальше? СПб., 2009.
2. *Белолипецкий В.Г.* Деньги как связующее материального и идеального миров // *Экономическая теория в XXI веке.* 6 (13). Деньги / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: ТЕИС, 2007. С. 15–25.
3. *Бутрин Д.* Правила игры // *Коммерсантъ.* 2008. 15 дек. С.6.
4. Заявление Экспертного совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском всея Руси в связи с обсуждением стратегии долгосрочного развития России до 2020 года // *Официальный сайт ОБЦС МП.* URL: <http://mospat.ru/ru/2009/07/27/news3800> (дата обращения: 18.07.2010).
5. *Кашин В.* Исландия — новый друг // *Ведомости.* 2008. 8 окт. С. 4.
6. *Кирилл (Гундяев), Святейший Патриарх Московский и всея Руси.* Слово на открытии XIII Всемирного русского народного собора «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» // *Официальный сайт ОБЦС МП.* URL: <http://www.mospat.ru/ru/2009/05/22/news2603/> (дата обращения: 18.07.2010).

7. Кризис: альтернативы будущего / Под ред. А.В. Бузгалина и П. Линке. М., 2010.
8. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978.
9. Кузнецова Т. Итоги года. Ч. 2 // Сайт «Finam.ru».
URL: <http://www.finam.ru/analysis/newsitem3705A/default.asp> (дата доступа: 2.07.2010).
10. «Кризис морали, более чем экономический, поразил мир», — сказал сегодня [25.12.2009] папа Римский Бенедикт XVI в традиционном рождественском послании «Граду и миру» («Урби эт Орби») // Сайт «Новая газета». URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/736390.html> (дата обращения: 18.07.2010).
11. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы, политика. В 2-х тт. Т. 1. М.: Республика. 1992.
12. Маэстро бума. Уроки Японии / Сб. статей. Челябинск: Социум, 2003.
13. Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., 2009.
14. Рязанов В.Т. Антикризисная политика в Российской Федерации: стратегические приоритеты и текущие задачи // Экономист. 2009. № 12.
15. Самуэльсон П. Экономика. В 2-х тт. Т. 1. М.: НПО «Алгон», 1992.
16. Федун Л. Страна и нефть: вступить в ОПЕК // Ведомости. 2008. 17 ноября. С. 6.
17. Фундобный С. Возможен ли распад еврозоны? // Lenta.ru.
URL: <http://www.lenta.ru/conf/fundobny/> (дата доступа 6.08.2010).
18. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. М., 1993.